
МИССИОНЕРСКИЙ ОТДѢЛЪ.

Памяти Архіепископа Владиміра.

(Къ 2-му Сентября).

Тихій лѣтній вечеръ, послѣ знойнаго дня, представляется намъ. Солнце уже скрылось за горнымъ краемъ Алтая, сплошь одѣтымъ разнообразною хвоею. Въ узкой долинѣ разбросанъ калмыцкій аилъ, нѣсколько юртъ и избушекъ; а близъ ихъ—убогая деревянная церковь. Горныя мохнатая вершины тѣсно окружаютъ аилъ; вечернею зарею окрашены они въ розовый, голубой, синій, фіолетовый колеры; а долины уже „полны свѣжей мглой“, прозрачной, насыщенной ароматомъ хвои. Вечернія тѣни въ горахъ не поддаются описанію, а шумъ и рокотъ горныхъ водъ ласкаютъ слухъ. Вотъ, по синему небу, необыкновенно глубокому, проплыла одинокая тучка; вотъ, изъ-за нея блеснула блѣдная звѣздочка; еще и еще—надъ горой засверкали. Вотъ, надъ вершиной огромный, матово-желтый кругъ полнолунія медленно поднимается изъ могучаго, дѣвственнаго лѣса. Мягкій, протяжный, пріятный звукъ по ущелью пронесся и полилась серебристая пѣснь православнаго колокола по долинамъ Алтая... Чу!. Слышно пѣніе. Православная семья „дикарей“, на родномъ языкѣ своемъ, дружно поетъ пѣснь Сотворившему вся.—„Е тынным! Каанды алка! Каан Кудайм! Суреендѹ улу Сен еден.“ *) Напѣвъ

*) Благослови, душе мой, Господа! Господи, Боже мой, возвеличился еси зѣло!

чрезвычайно простъ; но что-же такъ неотразимо заполняетъ и слухъ, и сердце? „Дѣти природы“ поютъ; душа ихъ поетъ хвалу Господу; религиозное чувство простыя сердца переполнило; отъ избытка сердца льется гимнъ Вседержителю... Истинно, какъ бы изъ устъ младенецъ—хвала сія.. И языкъ ихъ—чисто дѣтскій, неподражаемый; и дѣтскими глазами смотрять они на изображеніе насъ ради Распятаго, на твердь небесную, чудное твореніе Его; и нѣтъ теперь въ душѣ ихъ капли сомнѣній: тамъ одна чистая, дѣтская вѣра... „Тулар аралап сулар агат... Тулар бажинда сулар турат... Э Каан пүдүргенин кайкылу!“.. *) Они хорошо понимаютъ слова Псаломника. Чудный куполь нерукотвореннаго храма Божія надъ ними и въ глубинѣ его лампы теплятся вѣлѣніемъ Божиимъ.... „Э ончозын јайаган Каан. Саа алкыш јессін!“ **) Не вѣдѣлъ убогій храмъ, деревянный и ветхій, молящихся; у стѣнъ его, на лонѣ природы совершается вечернее богослуженіе; единными усты, единнымъ сердцемъ славословіе поютъ Всевышнему люди—дѣти...

И мѣсяць, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой...

Кто научилъ и вразумилъ васъ, дѣти Алтая? Кто приблизилъ, кто, на рамо воспріимъ, ко Христу принесе васъ, идолослужителей? Кто эти блаженныя ***) чудотворцы, муки духовнаго рожденія васъ воспріавшіе и лучами добротъ своихъ страну сію озарившіе?... Всѣ они десницею Божіею вписаны въ сердца ваши и память ихъ—въ родъ и родъ!

Вотъ одинъ изъ нихъ, какъ мѣсяць ясный среди яркихъ звѣздъ.. Почти двадцать лѣтъ вѣщаль онъ Алтаю глаголы

*) Посредѣ горъ пройдутъ воды.. На горахъ стануть воды.... Дивны дѣла Твои, Господи!

**) Слава ти, Господи, сотворившему вся!

***) Мѡ. 5, 11. 19.—Апокал. 22, 14.

живота вѣчнаго. Еще на пути сюда горѣло сердце о. архимандрита Владиміра любовію божественною; обильными слезами оросилъ онъ начало пути и трудовъ своихъ апостольскихъ, напутствуемый молитвами и благословеніемъ старца праведнаго, великаго святителя земли русской Іереміи, въ Нижнемъ-Новгородѣ.. А прощаясь съ Алтаемъ въ послѣдній разъ, онъ (уже епископъ Ставрополю-Кавказскаго) рыдалъ на горнемъ мѣстѣ Улалинскаго храма... Немалое число лѣтъ миновало послѣ того, какъ оставилъ онъ управление миссією, а заботы о ней не оставляли его и душа его болѣла не только за весь Алтай, а и за cadaго алтайца. Онъ всѣхъ и cadaго носилъ въ любвеобильномъ сердцѣ своемъ отеческомъ, до самой кончины своей.

Но пусть лучше самъ святитель свидѣтельствуеть о семъ. Обремененный трудами новой епархіи, недугами своими, лѣтами преклонными, не можетъ онъ оторвать изумительной любви своей отъ далекаго прошлаго. Съ Кавказа слово его, сильное, святое, любви полное течеть на Алтай; епископъ пишетъ письмо *) къ обыкновенному горцу, инородцу, тѣмъ только и знатному, что изъ идолопоклонства приведенъ онъ въ ограду Христову...

Возлюбленное чадо мое о Христѣ,
Сергѣй Павловичъ!

Посылаю тебѣ, во имя Пресвятой Троицы, три рубля. Хотя этотъ даръ мой и ничтоженъ, но ты, зная, что я посылаю его въ знакъ своей любви къ тебѣ, примешь этотъ даръ съ великою любовію и благодарностію.

Подумай—же, чадо мое, рожденное мною въ святой купели крещенія, подумай, сколько большею любовію и благодарностію должна быть всегда исполнена душа твоя къ Отцу Небесному,

*) Глубокую благодарность приносимъ игуменіи миссіонерскаго Николаевскаго монастыря, матери Серафимѣ, за сохраненіе и сообщеніе намъ сего документа.

къ твоему Спасителю—Сыну Божію, Иисусу Христу, къ твоему Освятителю—Духу Святому, ко всей Троицѣ единосущной, во имя которой крещенъ ты отъ меня въ водахъ Чулышманскихъ.

Когда былъ ты малъ, то крещенію своему радовался по дѣтскому разуму, именно потому, что „абыс“ тебя взялъ на свое попеченіе, что ты, поэтому, не останешься раздѣтъ и голоденъ, что отчимъ твой не будетъ уже тебя бить немилосердно за горсть курмача, потихоньку съѣденнаго. Но теперь ты уже, по милости Божіей, человекъ взрослый. Думалъ-ли ты, другъ Сережа, о той безконечной любви, какою возлюбилъ тебя Господь? о тѣхъ несказанныхъ милостяхъ, о тѣхъ величайшихъ дарахъ Божіихъ, какіе тебѣ дарованы? о томъ *особенномъ* попеченіи промысла Божія, какое Господь показалъ о тебѣ? Думалъ-ли объ этомъ хорошенько и проникалось-ли сердце твое живѣйшею благодарностію, горячѣйшею любовію къ Небесному Отцу твоему? Пора, пора, милый мой, стать мужемъ совершеннымъ по разуму и по сердцу. Не укоряя тебя сіе пишу, а какъ чадо мое возлюбленное тебя наставляю на добро и о добрѣ Божіемъ къ тебѣ напоминаю.

Вспомни: кто ты былъ чѣмъ ты сталъ? и чѣмъ всѣ милости Божіи заслужилъ? Когда подумаешь, то согласишься, что ничѣмъ, что все тебѣ дала даромъ Божія любовь.

Родился ты въ предѣлахъ Китайскихъ, отъ отца язычника и темнаго, и ницаго. Если-бы обстоятельства отца были не дурны, то самое лучшее было-бы съ тобой только то, что ты остался-бы живъ и выросъ здоровъ; но ты, какъ отецъ твой, какъ вся родня твоя, какъ всѣ твои предки, до послѣдней минуты земной жизни своей остался-бы темнымъ язычникомъ, идолопоклонникомъ, а по смерти пошелъ бы туда, куда, какъ знаешь теперь, идутъ души всѣхъ некрещеныхъ. Не говорю о томъ, что земной свой вѣкъ прожилъ-бы ты *кочевымъ* военцемъ, не только

не видѣль-бы, но и не слышалъ, какъ живутъ люди добрые, народы просвѣщенные, заботился-бы весь свой вѣкъ только о *хлѣбѣ*, то есть какъ-бы сытымъ все быть, а ни разу не подумаль-бы о *небѣ*, о вѣчной жизни; однимъ словомъ былъ-бы получеловѣкъ, полуживотное неразумное. Но вѣдь и сего мало. Вѣдь ты родился, когда на родной твоей землѣ былъ голодъ великій; когда и у достаточныхъ людей не доставало пропитанія, тѣмъ паче—у твоего бѣднаго родителя; когда не только въ аялахъ, но и по дорогамъ валялись безъ призора трупы соенцевъ, умершихъ съ голода...

Страшное было время. И вотъ, однако-жь, Господь устроилъ такъ, что ты съ своею матерью и по смерти своего отца не умеръ съ голода, остался живъ. Мать твою почти задаромъ купилъ чолышманецъ, чтобы продать съ барышомъ дома. Видно, онъ не былъ жестокой челоуѣкъ, позволилъ матери твоей взять тебѣ съ собой, а не бросилъ въ Соенахъ на съѣденіе собакамъ (тамъ всегда это бываетъ). И вотъ ты. Божіимъ промысломъ, какъ Авраамъ изъ земли Халдейской въ землю обѣтованную, на рукахъ матери принесенъ изъ темнаго Кятая въ свѣтлую, святую Русь.... Думаль-ли ты, размышляль-ли ты объ этой милости Божіей къ тебѣ, дорогой мой Сорежа? Упала-ли когда нибудь, при мысли объ этомъ, изъ глазъ твоихъ слеза благодарности къ Богу? Падалъ-ли ты, размышляя объ этомъ, падалъ-ли когда на колѣни предъ Богомъ, столько тебя возлюбившимъ, какъ тебя жалѣвшимъ, отъ голодной смерти тебя избавившимъ?...

Но и тутъ не конецъ милостямъ Божіимъ къ тебѣ. Главная ждала тебя впереди. Понади ты съ матерью къ какому—нибудь калмыку алтайскому, небѣдному и пезлому, онъ бы вскормилъ, вспоилъ и выростилъ тебя, какъ сына или хоть кул—ошкочн. Что вышло-бы изъ тебя? Такой же, какъ и онъ, калмыкъ полудикій. Правда, когда сталъ-бы ты большимъ, можетъ быть.

встрѣтился-бы съ какимъ нибудь миссіонеромъ, услышалъ-бы отъ него разъ—другой о христіанской вѣрѣ, о святомъ крещеніи. Но, слушая его, повѣрилъ-ли бы ему? послушался—ли его? Мало-ли на Алтаѣ калмыковъ, десятки разъ слышавшихъ слово Божіе и умирающихъ некрещеными? Могло случиться, что и твое сердце съ годами, съ возрастомъ жизни твоей, ожесточилось-бы, уши твоя остались-бы глухими и ты, проживши много лѣтъ въ землѣ святой, христіанской, такъ-бы и умеръ некрещенымъ язычникомъ, а можетъ быть—богопротивнымъ камомъ. Но Господь, Милостивый и Премудрый, что съ тобою устроилъ? Мать твоя досталась нищему человѣку при Телецкомъ озерѣ, нищему да и жестокосердому. Женившись на матери твоей, онъ не считалъ тебя не только сыномъ, но и человѣкомъ, а развѣ—собакой худой. Да и свою собаку порядочный человѣкъ жалѣетъ больше, нежели тебя твой неродной отецъ. Давно это было, но я какъ сегодня вижу на твоёмъ дѣтскомъ тѣлѣцѣ раны и струны отъ побоевъ этого жестокаго и немилостиваго калмыка! Какъ сейчасъ, вижу твое дѣтское лицо сухое, сморщенное, какъ у стараго старика, со складками кожи на щекахъ, на лбу, подъ глазами, какъ у восьмидесяти-лѣтней старухи; только твои глазенки ярко свѣтились, съ жадностью глядѣли,—гдѣ-бы увидать что-нибудь съѣстное; вижу обрывки какой-то мерзкой шубенки на голыхъ, грязныхъ, никогда невымытыхъ плечахъ.. И что-же? Вѣдь онъ немилостивый человѣкъ былъ твой благодѣтель, онъ былъ орудіемъ благодати Божіей къ твоему счастью тѣлесному, а паче—душевному, къ добру временному, а паче—вѣчному. Его нищета, заставлявшая тебя голодать, его жестокость, заставлявшая тебя страдать, вѣдь и навели тебя на мысль уйти отъ него и отъ матери твоей въ хорошую землю, къ абису, креститься. И для этого Господь устроилъ дѣло наилучшимъ образомъ, послалъ за тобою не простаго абиса, а самого начальника абисовъ, меня, грѣшнаго

архимандрита. Вѣдь не остановись мы на томъ берегу Телецкого озера на короткое время, ты не спустился-бы на берегъ, не уѣхалъ-бы съ нами,— и тогда еще, Богъ знаетъ, что съ тобой было-бы! А вѣдь тогда останавливаться на берегу томъ мнѣ не было никакой надобности; я сдѣлалъ это по просьбѣ Павла Дмитріевича Тренихина: ему надобно было видѣться по своему торговому дѣлу со стариками: Чокомъ, Маскачакомъ и другими пелинцами.

И вотъ ты, руками архимандрита и его о. діакона (Мих. Вас. Чевалкова), въ первый разъ отъ рожденія (по свидѣтельству бабушки твоей, матери нероднаго отца), съ мыломъ вымытъ былъ въ водѣ Телецкого озера, одѣтъ въ бѣлую новую рубашку, напоенъ чаемъ съ сухарями, которыхъ ты раньше не видалъ, покормленъ и говядиной, которой запаха давно не слышалъ.— Помнишь-ли ты это? не забылъ—ли? Если не забылъ, то размышлялъ-ли о такой милости Божіей къ тебѣ, благодарилъ-ли отъ всего сердца за это Милосердаго Отца Небеснаго?... Думаю, что ты уже забылъ; а я, Сережа, не забылъ и вотъ сказываю тебѣ: какъ, сидя со мною рядомъ на большой лодкѣ, когда мы отъ Пели плыли къ монастырю, ты что-то держалъ на колѣняхъ въ рубашкѣ и мнѣ показывалъ. Это оказались сухари, тебѣ казаккомъ Федоровымъ на дорогу данные. Тебѣ приказано было безъ спросу не ѣсть, и вотъ ты, хотя уже сытый, гляди на такое сѣбѣ богатство, спрашиваешь меня: „можно-ли тебѣ это ѣсть, когда захочешь?“ Отвѣтъ получилъ: „можно“, и въ твоихъ глазахъ видна была мысль: „вотъ, дескать, какое время пришло: когда хочу и сколько хочу, ѣсть могу“ Безъ сомнѣнія, не помнишь ты и это: когда мы сѣли въ лодку плыть по Телецкому, ты увидѣлъ на берегу вѣскольکو зеренъ проса, просыпаннаго Тренихинымъ, при продажѣ целинцамъ, схватилъ меня за руку я, указывая на эти зерна, какъ будто что дорогое, твердилъ: „тару!“ давая разумѣть, что надо собрать, и услышалъ въ отвѣтъ, что у насъ дома—больше есть.

А что всего важнѣе, что всего дороже, къ чему тебя Господь и создалъ и къ чему тебя изъ-за границы, изъ Китая живаго перевелъ, это совершилось на Чолышманѣ, при храмѣ Усть-Башкаусскомъ. Моею рукою грѣшною, юный соенецъ *Козорекъ*, въ освященныхъ водахъ Чолышмана, крестился *во имя Отца и Сына, и Святаго Духа*, получилъ святое имя *Сергій*, содѣлался сыномъ Божиимъ по благодати, получилъ въ святомъ муропомазаніи печати дара Духа Святаго, а въ церкви Усть-Башкаусской, Свято-Алексіевской, сдѣлался причастникомъ Тѣла и Крови Христовой, вкусилъ отъ источника безсмертнаго пищи небесной, сталъ наслѣдникомъ небеснаго царства, вновь родился чистымъ не только по тѣлу, но и по душѣ; получилъ для себя отъ Господа спутникомъ жизни ангела хранителя, а въ Павлѣ Дмитріевичѣ—второго отца, крестнаго.—Вспоминаешь-ли ты, Сережа, объ этихъ милостяхъ Божіихъ? объ этихъ дарованіяхъ любви Божіей къ тебѣ? Чувствуетъ-ли душа твоя благодарность Богу за эти дары? Чувствуетъ-ли сердце твое любовь къ Богу, твоему Благодѣтелю, твоему Спасителю, кровь Свою за тебя на крестѣ пролившему, ею тебя очистившему, отъ діавола освободившему, отъ козней и когтей камскихъ избавившему?

Не ты одинъ,—сотни многія крестятся каждый годъ на Алтаѣ; но тебѣ, въ сравненіи съ ними, больше милостей, больше любви показано. Крещенъ ты былъ на Чолышманѣ, но не оставленъ на Чолышманѣ.

Ты не помнишь, Сергѣй Павловичъ, а я хорошо помню разные случаи съ тобою въ Чолышманскомъ монастырѣ. Укажу на одинъ. Мнѣ надобно было оставить васъ въ монастырѣ ненадолго, съѣздить съ Михаиломъ Васильевичемъ на Улаганъ. Передъ этимъ нашъ бывшій Козорекъ былъ веселъ, сытъ, одѣтъ, приласканъ; онъ ходилъ, залажа руки за спину, и пѣлъ стихами соенскими свою судьбу: какъ ему жилось хорошо при

отцѣ родномъ, какъ тогда стоялъ онъ *доброю* коня какъ онъ при перодномъ отцѣ сталъ ничего не стоять, какъ тебя стали обижать, бить, въ голодѣ держать; какъ теперь тебѣ хорошо, ты уже никого не боишься, никто тебя не посмѣетъ обидѣть, иначе—ты абысу скажешь... И вдругъ ты видишь, что меня провожаютъ куда-то, я уже сажусь на сѣдло; тебѣ показалось, что я уже совсѣмъ уѣзжаю, значить, тебя оставляю на прежнюю несчастную, беззащитную жизнь; ты схватился крѣпко своими рученками за стремя сѣдла моего, съ дѣтскими крикомъ и слезами, и рученки твои замерли, такъ что едва-едва могли изъ нихъ выручить стремя и успокоить тебя общаніемъ скорого возвращенія моего.—Этотъ случай тебѣ рассказываю для того, чтобы высказать тебѣ желаніе мое и просьбу мою. Какъ ты крѣпко уцѣпился, было, за стремя мое, чтобы не разлучиться со мной, по твоему мнѣнію, своимъ благодѣтелемъ и покровителемъ, такъ, другъ мой, держись и паче того крѣпко держись вѣрою и любовію Господа Бога, единого истиннаго Благодѣтеля и Покровителя твоего.

Помнишь-ли Сережа? Нѣтъ, не помнишь, что было, когда на возвратномъ пути ненадолго останавливались мы на томъ берегу Телецкаго озера, гдѣ я взялъ тебя сперва.—Увидѣвши спустившихся сверху пелинцевъ, ты смутился духомъ, боялся, какъ-бы они тебя не отняли, и все время, пока мы тутъ были, ты все около меня держался, тебѣ было не до чаю, не до ѣды. За тѣмъ, когда время наступило плыть, ты прежде всѣхъ забрался засѣлъ въ лодку, но все еще несовсѣмъ спокойный. Только ужъ, когда я и всѣ спутники наши вошли въ лодку и она двинулась отъ берега, ты не только усомокомяся, но пришолъ въ особенную радость, всталъ на свои ножки дѣтскія и, обращаясь къ оставшимся на берегу пелинцамъ, держалъ имъ такую рѣчь: „прощайте, кланяйтесь матери, кланяйтесь ребятамъ (товарищамъ-

сверстникамъ), скажите имъ, что я *въ хорошую землю поѣхалъ*. Затѣмъ Сергѣй нашъ усѣлся на носу лодки и началъ съ зажмуренными глазами интересное представленіе, на соенскомъ нарѣчїи, какъ камы камлають. Представленіе было такъ картинно, переходы отъ медленнаго, тягучаго пѣнія стиховъ къ быстрой болтовнѣ такъ оригинальны, что всѣ, бывшіе на лодкѣ, не могли удержаться отъ смѣха; а гребцы—чолышманцы нерѣдко бросали весла отъ смѣха неудержимаго. Кончивъ это занятіе, своимъ этимъ насмѣшливымъ изображеніемъ язычества какъ-бы навсегда распростившись съ міромъ языческимъ, Сергѣй обратился мыслію и сердцемъ къ міру христіанскому, къ той хорошей землѣ, въ которую поѣхалъ, къ царству Христову на землѣ, сталъ вспоминать тѣ молитвы и святыя слова, какія только онъ успѣлъ услышать и не забыть, то—э Каан Кудай Иисус Христос, то—э Каан кайрлагын и тому подобное. Кто его всему этому научилъ? Я тогда думалъ и теперь думаю, что это душа, хотя дѣтская, но святымъ крещеніемъ Божіею благодатію просвѣщенная, хотѣла, сама того не вѣдая, воспѣть, восторжествовать побѣду надъ темнымъ міромъ языческимъ и выразить свою радость о вступленїи въ царство любви Христовой.

Разсказываю тебѣ, друже мой, объ этомъ не ради того только, чтобы разсказать забытую исторїю. Нѣтъ, изъ сказаннаго особенно не забудь и часто вспоминай свои слова: *въ хорошую землю поѣхалъ*. Тогда ты замъ хорошенько не понималъ, что говорилъ. Теперь ты выросъ, понимаешь-ли весь смыслъ этихъ словъ? Понимаешь-ли вполне, Сережа, насколько лучше китайской языческой земля русская, православная? Понимая это, цѣнишь-ли вполне Божій даръ? Благодарить-ли за это Бога-Благодѣтеля? Дышетъ-ли, живетъ-ли сердце твое любовію ко Христу Спасителю, къ церкви святой, къ братьямъ-христіанамъ? Жалѣешь-ли о своихъ единоплеменникахъ, остающихся до смерти и погибających въ безднѣ языческой, въ служенїи діаволу?

Въ хорошую землю поѣхалъ. Да,—въ хорошую. Но есть еще—лучше этой. Гдѣ-же? спросишь. Тамъ, куда вознесся твой и мой Спаситель, Господь нашъ Иисусъ Христосъ; куда Онъ тебя и всѣхъ насъ зоветъ, гдѣ Онъ всѣхъ насъ ждетъ съ любовію. Чтобы въ ту „хорошую землю“ достигнуть, надобно приготовиться доброю жизнью на настоящей землѣ. Какъ ни хороша теперешняя земля, но все-же на ней встрѣчаются болѣзни, печали, воздыханія и смерть; а тамъ уже нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная, въ радости вѣчной. Вотъ куда, друже мой, заранѣе готовься; вотъ куда заблаговременно собирайся. Дай Богъ тебѣ со мною, благополучно проплывшему нѣкогда Телецкое озеро, благополучно переплыть все житейское море и достигнуть вѣчной спасительной пристани, безопасно пристать къ берегу небесной блаженной земли и вѣчно жить тамъ съ Богомъ и со святыми.

Я сказалъ, что ты, крещенный на Чолышманѣ, не былъ оставленъ на Чолышманѣ. Думаю, что ты не забылъ и никогда не забудешь, куда ты былъ привезенъ и гдѣ ты провелъ ранніе годы твоей юности. Улала, Улалинскій храмъ, Улалинскій нашъ домъ, слѣпецъ дѣдушка Максимъ, котораго ты въ церковь водилъ, а онъ тебя училъ по русски разговаривать, Улалинское училище, гдѣ ты училъ грамоту, письмо, а главное—Божій законъ, православную вѣру, священную исторію, святыхъ молитвы, священное пѣніе, а въ церкви—молебную службу великомученику Пантелеймону и прочее,—все это, я вѣрю, ты хорошо помнишь

держишь съ любовью въ сердцѣ своемъ. Дай Господи! Но только все это считай за дары любви Божіей къ тебѣ, дары такіе, какіе не только всѣ, но и частію многимъ не достаются на долю. Цѣни-же все это, милый мой; за любовь Божію плати любовію къ Богу; страшись Его, Милосердаго, огорчить не только дѣломъ худымъ, или словомъ худымъ, но и мыслию худою. Не

забывай въ молитвѣ покойнаго дѣдушку Максима и всѣхъ своихъ благодѣтелей, добру тебя учившихъ.

Докончу ужъ рѣчь свою сказаніемъ о милостяхъ Божіихъ къ твоимъ роднымъ; и эти милости ты долженъ помнить, и за нихъ благодарить. — Помнишь, какъ я внушалъ тебѣ молиться Господу Богу за твою родную мать, чтобы, далъ Богъ, и она крестилась. Твоя дѣтская молитва была услышана. Когда мы съ тобой приѣхали на Чолымманъ въ побывку, то мать твоя уже была православною христіанкой, а у нея на рукахъ—послѣ тебя родившійся, братишка твой *Макарій*... Помнишь, какой онъ былъ болѣзненный! Помнишь, что мать твоя, жалѣя его, согласилась съ нимъ разстаться, отдать его намъ, въ пріютъ Улалинскій! Помнишь, какой изъ него вышелъ ребенокъ чистенькій, здоровенькій, умненькій, ласковый, въ ранніе лѣта богомольный, благодаря материнскому уходу Софьи Васильевны и прочихъ сестеръ пріюта. — Потомъ мать твоя не утерпѣла, сама пришла въ Улалу. Для чего это такъ устроилось? По милости Божіей. Ей Господь не судилъ долго жить; а умереть ей всего было лучше въ Уладѣ. Помнишь, вѣдь, она послѣдніе дни прожила въ улалинской больницѣ, въ томъ же домѣ, гдѣ и пріютъ, подъ поначеніемъ тѣхъ же сестеръ, которыя ухаживали за Макарушкой. Тутъ она приготовилась встрѣтить и встрѣтила смерть похристіански. Не милость-ли это Божія къ ней? и не слѣдуетъ-ли тебѣ за это благодарить и любить Господа? Теперь ты и дома, и приходишь въ церковь, можешь молиться а свою родную мать съ отрадною вѣрою, что молитва твоя о ея душѣ будетъ на пользу ей, а особенно—вспоминаніе ея на проskomидіи. — А Макарушка? Дорогое, незабвенное дити! Онъ погъ раньше насъ съ тобою dospѣлъ на тотъ свѣтъ! Дай Богъ и намъ быть тамъ, гдѣ онъ теперь. Скончался въ дѣтскомъ возрастѣ; любящій Господь рано позвалъ его къ Себѣ; для чего? 1) чтобы, когда онъ вырос-

тебѣ, злоба людская не измѣнила на худое непорочный разумъ его и лесть людская своимъ коварствомъ не прельстила его на злыя дѣла; 2) для того, чтобы, переселившись на жительство къ ангеламъ небеснымъ, виѣсть съ ангелами онъ молился за тебя, роднаго брата своего, остающагося на землѣ. Не есть-ли это особенная милость Божія къ нему и къ тебѣ? Какъ не благодарить тебѣ за это Бога, какъ не платить за Его любовь своею любовію?

Не легко было тебѣ разстаться со мною, когда я оставлялъ миссію, а особенно—когда совѣмъ уѣзжалъ изъ Сибири. Но вѣдь и мнѣ было жалко, въ числѣ многихъ другихъ, особенно тебя, мое чадо по духовному рожденію. Можетъ быть ты, по юношеской разсѣянности, и забывалъ меня грѣшнаго; а я нигдѣ тебя не забывалъ. Хотѣлось мнѣ знать и я, по возможности, узнавалъ, гдѣ ты и что съ тобой? Слышалъ я, что ты, духовно родившую, вскормившую, научившую тебя миссію оставилъ и удалился куда-то *на страну*... Надобно-ли тебя увѣрять, что я объ этомъ крайне поскорбѣлъ? Невольно спрашивалъ я себя: неужели наши и миссіи труды оказались напрасными? Боялся, какъ-бы ты не попалъ въ такое общество, къ такимъ людямъ, которые тебя, еще неутвердившагося, молодого человѣка, могутъ сбить съ хорошей дороги и направить на худую. Теперь слышу, что Сергѣй мой возвратился къ своей командирѣ миссіи и поступилъ на служеніе ей, въ должности толмача. Весьма радуюсь и благодарю Бога. Да утвердитъ и укрѣпитъ Онъ тебя во истинномъ пути; да будешь слуга Божій, слуга святой церкви, слуга спасенія ближнихъ усердный, нелицемѣрный, трезвый, богобоязненный, кроткій, учительный, заботливый о собственной чистотѣ, тѣлесной душевной, стараясь прежде всего *себя учить* святому закону—и чтеніемъ, и добрыми дѣлами, а потомъ и другихъ—какъ святыми разсказами, такъ и примѣромъ жизни своей.

Видишь, сколько милостей къ тебѣ Божіихъ, великихъ и особенныхъ. За нихъ благодари Господа не только сердцемъ, не только словами молитвы усердной, но и *дѣлая добро для людей*, какое только сможешь; любовь къ Богу покажи любовью къ людямъ.

Когда ты еще былъ ребенкомъ, я думалъ: вотъ, Сергѣй вырастетъ, научится и вѣрѣ православной, и благочестію христіанскому, будетъ этому учить другихъ; въ душѣ его возсіяетъ свѣтъ Христовъ, онъ не утерпитъ, чтобы этимъ свѣтомъ не подѣлиться съ другими; когда пойметъ, какъ благъ Господь, то не утерпитъ, чтобы другимъ не рассказывать о дѣлахъ благодати Божіей, изображенныхъ въ Священномъ Писаніи; самъ узнаетъ евангеліе Христово, и не утерпитъ, чтобы не возвѣщать сіе евангеліе другимъ невѣдущимъ. Кромѣ близкихъ по жительству алтайцевъ, далеко за границей у Сергѣя есть его близкіе по плоти, родня его отца и матери, соенскій народъ, погибающій безъ вѣры во Христа. Теперь еще рано; но когда прійдетъ Сергѣй въ зрѣлыя годы, не потянетъ-ли его *на мѣсто родины его*, быть тамъ благовѣстникомъ? Конечно, къ этому надо приготовиться и приготовиться хорошенько, сперва тутъ дома, подъ крыломъ миссіи, сперва напрактиковаться надъ алтайцами, а потомъ, когда Господь позоветъ,—двинуться и дальше Алтая.. Дай Богъ, чтобы это желаніе мое когда-нибудь исполнилось, если на то будетъ воля Божія; а пока работай, друже, на томъ мѣстѣ, на которомъ поставленъ.

Видишь, чадо мое возлюбленное, какъ много написалъ я тебѣ. Старая рука моя водила перомъ по любви отеческой и по заботливости о тебѣ... Мои лѣта достигли возраста старости, да и дѣлъ по службѣ немало. Поэтому не только такое длинное письмо, но и коротенькое едва-ли когда соберусь написать тебѣ, если-бы и еще пришлось мнѣ сколько-нибудь прожить на этомъ

свѣтъ. Поэтому сіи строчки прими, Сережа мой, какъ послѣднее предсмертное отеческое завѣщаніе и наставленіе на всю твою жизнь. По временамъ прочитывай его съ такою-же любовію, съ какою писано. И до старости доживешь, вспоминай меня въ своихъ молитвахъ; не забывай, когда и умру,—что былъ вотъ на этомъ свѣтѣ человѣкъ, грѣшный архіерей, который Сергѣя Павловича любилъ какъ родного сына, и больше родного сына...

Призываю на тебя, чадо мое, Божіе благословеніе: на твое тѣло и душу, на занятія и труды твои, на отдыхъ твой, на молитву твою, на доброе чтеніе и добрыя бесѣды твои, на мысли твои и добрыя намѣренія твои.

Недостойный Епископъ Владиміръ, бывшій Бійскій, потомъ Томскій и Семицалатинскій, нынѣ Ставропольскій и Екатеринодарскій. 3 марта 1888 года. Губернскій городъ Ставрополь Кавказскій.

Если захочешь доставить мнѣ утѣшеніе, напиши о себѣ подробно и откровенно, какъ сынъ отцу.

Такъ-же отечески и еще съ большею любовію относился святитель къ сотрудникамъ своимъ, и духовнымъ, и свѣтскимъ. Вѣра, любовь, ревность его въ дѣлѣ Божіемъ были необычайны, изумительны, чисто апостольскія. Нѣкоторыми фактами, лично намъ извѣстными, воспомянемъ наставника нашего, иже глагола намъ слово Божіе...

Свящ. І. Л—в.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Памяти архієпископа Владимира.

(Продолженіе).

„Дикъ и страшень верхъ Алтая, вѣченъ блескъ его снѣговъ“, сказалъ поэтъ. „Алтай великолѣпенъ, какъ Аѳонъ“, писалъ одинъ изъ начальниковъ миссіи. Каждый изъ нихъ своимъ окомъ смотрѣлъ и оба—правы. А мы прибавимъ: Алтай—чудное твореніе Божіе! Это особый мірокъ, прекрасный и своеобразный, совершенно чуждый шума, суеты, жи цивилизованныхъ колоній и доселѣ сохраняющій какъ-бы печать первозданной красоты. Съ вершинъ Алтая чловѣкъ видитъ море горъ, одну краше другой, видитъ множество водъ, всюду—лѣса вѣковѣчные; на горахъ—опять горы, до поднебесья, и тамъ—вѣяцы серебра бѣлоснѣжнаго. Внизу, иногда облака подъ ногами, и бури гласъ, и дождь; а на вершинѣ—гласъ хлада тонка, невозмутимая, святая тишина и мирно солнышко сіяетъ. Смотритъ чловѣкъ въ необъятную высь лазурную, смотритъ и внизъ, на ущелья бездонныя и, подавленный грандіознымъ величіемъ картины, десницею Божіею изображенной, ощущаетъ онъ нѣчто не-

обычное въ существѣ своемъ: сознание тѣлеснаго ничтожества своего, высокій восторгъ, необыкновенный подъемъ духа. Здѣсь, вдали отъ людской суеты, человекъ чувствуетъ себя ближе къ небу и мысли его невольно измѣняютъ обычное свое пизменное теченіе.

Тамъ—суета, вражда и битва,

Здѣсь—миръ, любовь, за всѣхъ молитва...

Здѣсь туристъ, интеллигентъ маловѣрующій, пишетъ на скалѣ: „грѣшникъ! нѣтъ мѣста здѣсь твоимъ страстямъ“!..

Любовь Спасителя міра къ горнымъ высотамъ перешла и къ послѣдователямъ Его. Часто вершины Алтая видятъ стопы благовѣстника, возвѣщающаго миръ. Восходя на горы заоблачныя, носятъ онъ въ сердцѣ Христову любовь; въ дивныхъ красотахъ Алтая—Творца созерцаетъ онъ; душа его исполняется трепетнымъ радованіемъ, уста—Вогохваленіемъ; немощное тѣло духовно укрѣпляется на труды благовѣстія..... А труды эти, по истинѣ, ужасны бывають. Не говоря уже о козняхъ вражескихъ, по пятамъ слѣдующихъ за работникомъ Христовымъ, самый путь, самые способы передвиженія, смотря по времени года и мѣстности*). являютъ миссіонеру многое множество препятствій, бѣдъ и скорбей.

Приснопамятный о. архимандритъ Владиміръ многократно бывалъ на Телецкомъ озерѣ, въ Чолышманѣ; не разъ слѣдовалъ оттуда въ Улаганъ, подъемомъ Гол-узун. Это почти отвѣсная стѣна, съ зигзаго-образною тропою по уступамъ ея, на протяженіи около трехъ верстѣ. Съ вершины этой стѣны путникъ видитъ еще большую стѣну на противоположной сторонѣ ущелья, а надъ нею—гору „въ шапкѣ золота литого“, съ вѣчнымъ снѣгомъ, съ потоками снѣжныхъ водъ, падающими съ голово-

*) Совершившаго трудный путь, блаженной памяти миссіонера іеромонаха о. Смарагда, удивленный начальникъ миссіи спрашиваетъ: „да какъ это вы?“ А онъ спокойно отвѣчаетъ: „верхомъ, пѣшкомъ, на лодкѣ“..

кружательной высоты; а внизу, въ самомъ ущельѣ,—довольно обширную рѣку Чолышмакъ, въ видѣ ленточки, людей и лошадей—какъ точки... Бывшій томскій губернаторъ, Андрей Петровичъ Супруненко, спустившись съ этой стѣны и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: „сохрани, Господи, меня и дѣтей моихъ отъ подобнаго путешествія“!...

Однажды о. архимандритъ, побывавши на Чуѣ и китайской границѣ, проѣхалъ на грозный Архытъ, къ киргизамъ—Киреевцамъ. Времени потрачено было много; а нужда належала побывать еще въ верховьяхъ Катуня—рѣки, въ Катандѣ, на Уймонахъ. Съ Архыта туда (черезъ Усть-Чую)—далеко, а надо скорѣе. „Нѣтъ-ли короткой дороги?“ — „Есть, говорятъ проводники бывалые, только опасно: страшныя мѣста тамъ есть; лучше лишнихъ сто верстъ объѣхать.“ Подумалъ о. архимандритъ, сѣлъ на лошадь и говорить: „прямо на Уймонъ, съ Богомъ!“ Ъдутъ. Погода—ненастная, дождливая. Между спутниками, на остановкахъ, только и рѣчи о невозможности проѣзда въ такую непогодъ. Тревожное настроеніе увеличивается, по мѣрѣ приближенія. Опытные ѣздоки поговариваютъ, что надо вернуться. О. архимандритъ молчитъ весь путь, погруженный въ молитву. Наконецъ, вотъ и остановка. Спутники отказываются ѣхать: грунтъ и камни локры; тропа—для одной лошади со вьюкомъ,—неровная; на этомъ пути „прискорбномъ“ то справа, то слѣва—обрывы въ черное ущелье: тамъ смерть ждетъ неосторожнаго путника... Опытный глазъ о. архимандрита находить свѣдѣшаго изъ проводниковъ. Убѣжденный, упрощенный, обнадеженный общаніемъ помощи Божіей, проводникъ слѣзаетъ съ коня, беретъ его за поводъ и идетъ на вѣрную смерть. А о. архимандритъ, возрѣвъ на небо, съ обнаженной головою, кратко молится, осѣняетъ путь благословеніемъ и, со словами: „съ нами Богъ!“ отправляется вторымъ, не сходя съ лошади. Умное жи-

вотное каждый почти шагъ, прежде чѣмъ опереться, ощупываетъ почву: инстинктивно оно боится пропасти. Спутники, пораженные смѣлостью передовыхъ, остановились, было; но затѣмъ поспѣшили за ними, кто верхомъ, кто пѣшкомъ. Нѣсколько десятковъ минутъ страшныхъ, мучительныхъ, долгихъ, казавшихся днями... Гробовое молчаніе,—только развѣ сдвинутый ногою лошади камешекъ застучитъ по скаламъ, на полетѣ въ бездонную пропасть, и замретъ его стонъ въ глубинахъ.... Но вотъ, вдали,—радостный крикъ передоваго: „Кудайга а-а ба-а-а-ш!“ (слава Богу!)... О. архимандритъ, достигши безопаснаго ровнаго мѣста, гдѣ проводникъ уже ожидалъ его, сошолъ съ лошади, снялъ шляпу, перекрестился, до земли поклонился и зарыдалъ... Черезъ нѣсколько минутъ благополучно прибыли остальные спутники; радость написана была на лицахъ ихъ; шумному говору и восклицаніямъ не было конца. Послѣ отдыха, отправились въ дальнѣйшій, уже не столь опасный, путь, слава Бога.

Неохотно, всегда тревожно оставляя Алтай о. архимандритъ по дѣламъ службъ. И всегда—спѣшнѣе. Изъ Бійска, напрямѣръ, до Томска (520 в.) онъ болѣе двухъ-трехъ разъ отдыхалъ на станціяхъ или у священниковъ; на весь этотъ путь тратилъ не болѣе двухъ сутокъ. Даже будучи Бійскимъ Улу-абыс (Епископомъ), онъ бралъ съ собою въ путь только одного діакона*); а сей, умудренный опытомъ, всегда запасался для себя немудрою снѣдію. Ночью, на ѣздѣ, о. діаконъ подтянетъ къ себѣ мѣшокъ съ припасомъ и утоляетъ свой голодъ. „Ты что тамъ, дьяконъ, ѣшь?“ — „Каральку (калачъ), Ваше Преосвященство.— „А! и—ладно, хорошая?“ — „Славная, Ваше Преосвященство“ . — „А ну-ка, дай.“ Просимое подано и епископъ черствымъ хлѣбомъ подкрѣпляетъ силы свои...

*) Нынѣ-заштатный миссіонеръ, священникъ о. Василій Ляндшевъ.

Весна 1881 года застала Епископа Владиміра въ Томскѣ. Сначала тепло раннее погнало снѣгъ, Томь поднялась и 2 апрѣля начался ледоходъ. Собщеніе съ зарѣчной стороной совершенно прекратилось; трактъ переведенъ на ст. Яръ. Была уже шестая седмица св. четыредесятицы. Владыка рвался въ Алтай: надо приспѣть въ родную миссію къ Свѣтлому празднику заблаговременно. Внезапно настала стужа съ рѣзкимъ вѣтромъ. Томскій исправникъ (Ив. Ст. Д—въ) потребовалъ справки о переправѣ и, получивъ рапортъ Спасскаго волостнаго правленія о томъ, что переправа, за ледоходомъ, невозможна, пишетъ: „Ваше Пресвященство! прилагаемый рапортъ я получилъ сію минуту. Если и теперь Вашему Пресвященству угодно будетъ отправиться, то чрезъ два часа я выѣду на Яръ, чтобы, по возможности, устроить переправу для Вашего экипажа; хотя сомнѣніе въ успѣхѣ моихъ мѣропріятій не оставляетъ меня. Владыка отвѣчаетъ: „И. С—чъ! хотя ваше личное отправленіе есть мѣра чрезвычайная, но въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ (которыя, надѣюсь, со мною впередъ никогда не случатся), я обращаюсь къ вамъ съ необычайною просьбою—отправиться. И я считаю за лучшее то-же чрезъ два часа (т. е. въ 4 ч.) скорѣе отправиться. Рапортъ Спасскаго волостнаго правленія говоритъ, что *перекладная* почтовая повозка можетъ быть переправлена. Полагаю, значить и—тарантасъ? ибо много-ли онъ больше почтовой повозки; можно вѣдь и колеса связъ, отдѣльно переправить. Не говорю о поклажѣ. Конечно, все это—завтра утромъ. А намъ-бы съ вами хоть въ Ярское сегодня. Итакъ, и мнѣ къ 3-мъ часамъ коней надобно, ибо теперь до 4-хъ часовъ ждать нѣтъ причины, а все-же раньше—посвѣтлѣе. Преданнѣйшій слуга вашъ, Еп. Владиміръ“.*)

*) Письмо сіе и послѣдующія—у автора воспоминаній сплхъ.

Этотъ самый исправникъ, еще 9-ти лѣтнимъ мальчикомъ, лежалъ въ Томской семинарской больницѣ и послѣ никогда не забывалъ посѣщеній и утѣшеній о. инспектора Владиміра, который, года четыре спустя, нарочно пріѣхалъ въ одно изъ духовно-учебныхъ заведеній г. Москвы (проѣздомъ чрезъ нее), чтобы отыскать и приласкать, и гостинцами надѣлать того-же мальчика, сына Алтайскаго миссіонера.

Пришлось исполнить желаніе Преосвященнаго. А вѣтеръ крѣпчалъ, холодъ усилился, уровень воды въ Томи понизился и ледоходъ задерживало. Посланъ на Яръ земскій засѣдатель (Григорьевъ), ѣдетъ исправникъ; изготовлена большая лодка; свыше 100 ч. народа собрано. Владыка ночевалъ въ Спасскомъ и прибылъ на Яръ утромъ 6 апрѣля, въ великій понедѣльникъ. Онъ озябъ, а квартира—холодная. На рѣкѣ трескъ, ломка, шумъ и свистъ вѣтра; густая масса льда, прижимающа къ берегу, на ходу стираетъ палки и доски въ мелкую щепу; смотрѣть страшно и стоять холодно—руки коченѣютъ. Плыть рѣшительно никто не соглашается, толпа шумитъ: „туть—прямо смерти!“ докладываетъ исправникъ Владыкѣ; а онъ, печальный, ходитъ по комватѣ и остается непреклоненъ, — „надо спѣшить, давно ждуть меня; надо сейчасъ-же плыть“. Полиція прибѣгаетъ къ средству, яко-бы согрѣвающему, смѣлость возбуждающему и щедро угощаетъ народъ виномъ; а время идетъ и опасность не уменьшается. Хотя ледъ уже неплотной, появляются свободныя отъ него небольшія водяныя поля, но каждую минуту они снова закрываются надвигающимися новыми массами льда, который съ трескомъ наваливается на переднія глыбы... Исправникъ рѣшительно заявляетъ Преосвященному, что плыть—опасно, что онъ отвѣтственнымъ лицомъ является за жизнь Владыки; что-то упоминаетъ еще о законѣ, который обязываетъ задерживать рискующихъ плыть въ такую пору. „Жизнь человѣческая

въ рукахъ Божіихъ, отвѣчаетъ Преосвященный; а законъ, вами уазываемый, къ миссіонерамъ трудно прилѣпить. Подождемъ еще и, если откроется путь, немедля имъ воспользуемся“

Возражать было нечего. Колеса съ тарантаса сняты, поставлены въ лодку, какъ и тарантасъ, осями на борта. Нашлось до двадцати смѣльчаковъ. А вотъ и самъ Владыка идетъ къ переправѣ, опираясь на трость; народъ обнажилъ головы, Преосвященный благословляетъ. Въ это время во всю ширину Томи появляется широкая полоса воды, свободной отъ льда. Владыка указываетъ рукою, спѣшно прощается съ исправникомъ, молча входитъ въ лодку, а за нимъ спѣшаютъ перевозчики.. Къ лодкѣ привязанъ канатъ и конецъ его оставленъ на берегу. Быстро отчалили отъ берега, быстро плывутъ; а сверху на нихъ еще быстрѣе надвигаются ледяныя поля, а ниже ихъ ледъ еле движется. Разстояніе между берегомъ и пловцами—болѣе 150 саж.; канатъ съ лодки опущенъ и тянуть на берегъ. И въ то-же время, въ нѣсколько минутъ, лодка—между льдами, слышенъ шумъ и трескъ льда... Сердце замерло у зрителей; а у лодки творится что-то ужасное; трудно разобрать: отъ рѣзкаго вѣтра глаза застилаетъ. Но вотъ, видно, что перевозчики всѣ—на льду, у лодки; одни рубятъ топорами ледъ у боковъ ея, другіе лодку раскачиваютъ; снова гребцы—въ лодкѣ и ринулись съ нею въ рѣку; дружно работаютъ весла; быстро летитъ лодка; пловцы уже на срединѣ рѣки... Но вотъ, нѣсколько грудъ льда въ нѣсколькихъ пунктахъ стремятся на утлую скорлупу... Лодка лавируетъ между ними; а Преосвященный стоитъ и осѣняетъ путь крестнымъ знаменіемъ. Вотъ, еще разъ выскочили гребцы на ледъ, рубятъ его, лодку качаютъ, снова вскакиваютъ въ нее; еще нѣсколько дружныхъ взмаховъ веслами и пловцы—за рѣкою... Всѣ вздохнули съ облегченнымъ сердцемъ, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, обнажили головы и набожно перекрести-

лись. Крестился нѣсколько разъ и исправникъ; на глазахъ его слезы и думаетъ онъ: „если-бы и мои дѣтки за рѣкою ждали меня, и я-бы поплылъ“... „Какой-же это, Ваше В—родіе, Архіерей такой смѣлый, спрашиваютъ мужики, и какая пужда ему такая, чтобы на смерть соваться?..“ — „Это, братцы, миссіонеръ; онъ всегда въ такой бѣдѣ живетъ; сердце свое онъ Богу отдалъ; Богъ его и ведетъ теперь, Богъ и хранитъ“. — „Знамо, что—Богъ! А только и старики наши такого Архіерея не видывали; и не токма что Архіерея, а и цопа въ ледоходъ не плавливалъ!..“ Возвратившіеся ямщики извѣстили, что до первой станціи за переправу (Варухиной) тарантасъ Епископа нѣсколько разъ погружался въ ложбинахъ въ вешнюю воду и багажъ былъ подмоченъ. Однако-же Владыка, претерпѣвъ различныя бѣды въ пути семъ, перебравшись еще черезъ нѣсколько рѣкъ, прибылъ къ наставъ своей возлюбленной въ дни страстной седмицы, какъ и желала душа его...

(Окончаніе будетъ).
